

Куда мошенники-то пропали?

— Ау, Василий Сократович! И мошенниковъ, и честныхъ людей, всѣхъ подровняла курносая...

— Курносая? строго сдвинувъ брови и походкой тигра устремляясь къ Александру Ивановичу, заговорилъ Василий Сократовичъ.— Смерть, хотите вы сказать, такъ это клевета. Клевета, милостивый государь мой! Смерть свершила только свою задачу, а фарсейство, подлогъ, гнусная ложь принадлежать тѣмъ негодьямъ, которые еще не попали къ ней въ лапы... Вѣдь нужно же выдумать такую комбинацію, чтобы живые мошенники являлись укрывателями мертвыхъ мошенниковъ. А гдѣ пишутъ-то свои подлости? Подъ крестомъ, рядомъ съ евангельскими изречениями... Ну, не гадость ли это?..“

Размышляя въ томъ же направленіи все далѣе и далѣе, Василий Сократовичъ пришелъ, наконецъ, къ мысли о необходимости совершенно противоположнаго образа дѣйствій въ отношеніи къ покойникамъ и памятникамъ надъ ихъ могиламъ:

— Я пришелъ къ тому заключенію, что для негодяя самымъ лучшимъ способомъ исправленія было бы то, еслибы на памятникахъ писали объ усопшихъ рабахъ всю правду... Умеръ казнокрадъ, пиши: „здѣсь погребено тѣло такого-то, который воровалъ казенныя деньги“; умеръ ростовщикъ, пиши: „бралъ по столько-то процентовъ“; умеръ развратникъ, пиши: „здѣсь лежитъ прелюбодѣй“; умеръ человекъ со злымъ сердцемъ, пиши: „сей прахъ при жизни слопалъ много ближнихъ“; умеръ человекъ недалекаго разума, пиши: „здѣсь лежитъ дуракъ“...“

Таковъ изложенный въ поминальныхъ разговорахъ проектъ мѣропріятія для прижизненнаго устрашенія „мерзавцевъ“ указаніемъ на посмертное воздаяніе имъ справедливымъ судомъ потомковъ.

III.

Мы очень цѣнимъ и постановку вопроса въ эту г. Садовскаго, и его, такъ-сказать, радикализмъ въ рѣшеніи этого вопроса. И тѣмъ не менѣе, мы должны сдѣлать, по поводу всей вообще постановки дѣла, нѣсколько ограниченій, которыя никакъ не позволяютъ согласиться съ нею.

Начнемъ съ того, что, какъ справедливо говоритъ резонеръ автора, Василий Сократовичъ, знаменитый афоризмъ, оберегающій посмертную честь и репутацию людей, отнюдь не мѣшала ни самимъ Римлянамъ, ни другому кому писать о покойникахъ правдиво, отдавая имъ все, чего они стояли и стоятъ, по суду потомковъ. Ну и что же,—что мы видимъ въ этихъ „правдивыхъ сказаніяхъ?“ Слошь и рядомъ такую „правду“, которую осторожнымъ историкамъ приходится затѣмъ отчищать въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ, чтобы добраться до истинной сути. И сколько тутъ, въ этой сомнительной „правдѣ“, сказывается личныхъ счетовъ, узкихъ оцѣнокъ, тенденціозной лжи, внушенной партійностію, литературными, научными и житейскими разногласіями!

Присмотритесь къ окружающей жизни, и вы увидите страшныя аномаліи въ этого рода литературѣ. Не успѣть еще иная могила травой зарости, даже могила крупныхъ, при жизни всѣми уважаемыхъ личностей, какъ уже мелкая обиженная злоба шипитъ, пускаетъ въ „литературный“ оборотъ пасквили, насквозь пропитанные зловоннымъ дыханіемъ личнаго раздраженія. Есть и такіе мемуаристы (ибо кто только, въ наши времена, не пишетъ мемуаровъ, хроникъ, записокъ!), которые, подобно рецензентамъ плохихъ газетъ, бродячь, отъ нечего дѣлать, изъ угла въ уголъ и людямъ неугоднымъ грозятъ: „погоди-жь ты, пропишу я тебя въ моихъ посмертныхъ запискахъ, будешь помнить!“ И пишутъ они, эти нравственные отбросы общества, почему-